

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию

НИКОНОВА СЕРГЕЯ БОРИСОВИЧА

«НООПОЛИТИКА В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ»

представленную на соискание ученой степени доктора политических наук
по специальности 10.01.10. – журналистика

Диссертационное исследование С. Б. Никонова выполнено на важную и актуальную для современной теории политической медиакоммуникации тему. Данный вывод обусловлен следующими обстоятельствами.

Во-первых, мы являемся свидетелями того, как происходят тектонические сдвиги в современной системе международных отношений. В прошлом остались не только смыслообразующие основания Вестфальской системы, на столетия вперед задавшие понимание государственного суверенитета и полномочий государства на своей территории, но и многие важнейшие принципы, заложенные при формировании ООН на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Международные отношения меняются на глазах, «плывет» понятие государственного суверенитета, национальные законодательства отдельных стран фиксируют право своих правительств влиять не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику других государств. Международные организации и военно-политические блоки претендуют на роль арбитров во внутренних конфликтах. Применение силы на суверенной территории другого государства может быть легитимировано без учета мнения его правительства. Все это создает новую реальность в

09/2-02-42 02.02.2021г.

международных отношениях и требует теоретико-методологической рефлексии этой реальности.

Во-вторых, принципиально изменились информационная среда и коммуникационные технологии, сформировалась глобальная инфосфера, опирающаяся на всемирную сеть в том числе со спутниковой доставкой сигнала и соответственно информации в любую точку, минуя государственные границы. При этом корпорации, обеспечивающие технологическое, аппаратное и программное функционирование всемирной сети, расположены в конкретных странах, подчиняются их законодательству и сотрудничают с их правительствами. Это дает последним возможность реализовывать скрытое влияние на население и элиты других государств, в особенности, геополитических соперников и конкурентов, посредством стратегии *soft power*, *smart power* и, наконец, через инструменты *ноополитики*. В этой «необъявленной войне» важнейшая роль принадлежит медиа, которые также переживают кардинальную трансформацию в сетевую эпоху с возможностями кастомизации, персонификации контента и обхода индивидуальных психологических коммуникативных барьеров.

Таким образом, мы являемся свидетелями и участниками двух планетарных процессов – изменения глобальной философии и практики международных отношений, с одной стороны, и трансформации информационно-коммуникационного пространства, с другой. В такие переломные периоды на смену устоявшимся концепциям в теории и практике политической деятельности в целом и политической коммуникации в частности приходят новые подходы. К их числу несомненно относится *ноополитический* подход. И в этом плане обращение диссертанта к проблематике *ноополитического* поворота во внешнеполитических стратегиях государств и роли медиа в этих процессах следует признать обоснованным и своевременным.

В качестве цели исследования автор ставит обоснование сущности и содержания концепта *ноополитики* применительно к внешнеполитической

деятельности государства и выработку методических оснований формирования соответствующей внешнеполитической информационной стратегии и средств ее реализации.

Отметим, что мы сформулировали цель немного по-другому, чем это делает автор, поскольку, как нам представляется такая формулировка цели более точно соответствует названию и содержанию диссертации.

Для реализации поставленной цели в рецензируемой работе последовательно решаются следующие задачи:

- разработка операциональной дефиниции ноополитики, которая может быть применено субъектами международных отношений;
- выявление институциональных и функциональных компонентов современного мироустройства с акцентом на формирующуюся систему глобального управления внешнеполитической деятельности субъектов международных отношений;
- выявление зависимости коммуникационного процесса в сфере международных отношений от медиасопровождения с учетом функций медиасубъектов;
- выявление базовых параметров и функционала сетевых медиа в системе политической коммуникации и, в особенности в международных межгосударственных коммуникациях;
- разработка предложений по совершенствованию доктрины информационной безопасности РФ с учетом развития ноополитики.
- эмпирический исследование проявлений медиатизации политического процесса с анализом атрибутивной повестки и языковых средств выражения идеологической модальности.

Рассмотрение представленного текста позволяет сделать вывод о том, что поставленная цель в основном достигнута.

Структура работы отвечает поставленным задачам и является логичной и обоснованной. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Библиография насчитывает свыше 400 источников на русском и иностранных

языках и производит солидное впечатление. Во введении продемонстрировано глубокое погружение автором в проблематику диссертационного исследования: С. Б. Никонов проводит детальный обзор академической литературы по выбранной теме, определяет существующие пробелы в научном знании о коммуникационных стратегиях в международных отношениях в условиях современного информационно-сетевом общества формулирует цель, достижение которой позволяет автору закрыть часть из них. Также во введении корректно определяются предмет, объект и методологический базис исследования.

Первая глава диссертации посвящена теоретическому обоснованию авторской интерпретации базовой категории исследования – ноополитики применительно к сфере международных отношений и внешнеполитической деятельности государства. Сначала автор обращается к анализу современной системы международных отношений. Опираясь на глубокий анализ академических источников из сферы теории дипломатии, мировой политики, международных отношений, теории международных политических институтов он формирует свое оригинальное видение современного миропорядка, во многом опирающееся на глобализационные парадигмы с акцентом на возможности наличия центров внешнего силового и несилового управления глобализационными процессами. Далее он обращается к анализу роли медиа в современных международных отношениях. Этот раздел работы опирается на широкий круг практических примеров включения медиа в скрытое управление политическими процессами в разных странах. Крайне интересным и перспективным представляется введение в академический оборот категории политической диффамации (с. 45). Важнейшее место в первой главе занимает авторский анализ подходов к пониманию ноополитики и роли ноополитики в современных международных отношениях. Также в данной главе детальное внимание уделяется геополитическому измерению современного глобального мира и возможностям политико-технологического контроля над информационной сферой.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена раскрытию авторской версии категории т.н. «новых медиа» и анализу их роли и функций в информационном обеспечении международных отношений и внешнеполитической деятельности современных государств. Оставляя за скобками обоснованность и своевременность использования терминологического оборота «новые медиа» в 2021 году, как и вопрос о давно уже ушедшей в прошлое их «новизне», об этом мы скажем в замечаниях к работе, отметим, что диссертант в целом справился с задачами, поставленными перед данной главой. Интересной и перспективной представляется авторская попытка увязки интерактивных сетевых медиа с текущими и перспективными задачами ноополитики применительно к сфере межгосударственных коммуникаций. Следует также отдать должное детальному и сделанному в рамках классической методологической традиции нормативной медиаполитологии анализу манипулятивных практик сетевых медиа. Полезным и открывающим интересные перспективы исследования политических медиаэффектов в цифровом обществе является последний параграф второй главы. Хотя справедливости ради стоит отметить, что его содержание весьма приблизительно коррелирует с названием.

В третьей главе С. Б. Никонов обращается к историческому анализу процессов медиатизации и следует признать, что этот раздел работы выполнен на достойном научном уровне. Перспективным, с нашей точки зрения, тезисом, который обосновывается в этой части работы, является тезис о том, что медиатизированную политику можно рассматривать как некоторую искусственно сформулированную медиа параллельную реальность, при том, что медиатизация политики может пониматься как производство этой реальности. Важным достоинством третьей главы диссертационной работы то, что в ней представлено авторское эмпирическое исследование текстов сетевых медиа, посвященное формированию медиафреймов, формирующих у аудиторий разных государств восприятие происходящего в Сирии. Проведенное исследование, с нашей точки зрения, убедительно иллюстрирует

важнейшие тезисы диссертанта о характеристиках и функционале современной ноополитики.

В целом представленная к защите диссертация представляет собой законченную авторитетную академическую работу, опирающуюся на широкий круг фундаментальных источников, предлагающую перспективный научный аппарат, содержащую собственное эмпирическое исследование, имеющую значимые элементы научной новизны. Работа написана логично, понятным языком.

Апробация результатов исследования осуществлена на авторитетных международных конференциях. Основное содержание диссертации отражено в необходимом и достаточном количестве публикаций в монографиях высокорейтинговых научных журналах.

При общей позитивной оценке рецензируемой работы, следует отметить, что она не свободна от ряда слабых мест и недостатков. Отдельные позиции вызывают серьезные вопросы. К числу наиболее существенных слабых и проблемных мест диссертации отнесем следующие.

Первым и одним из наиболее существенных замечаний является замечание о недостаточно четкой проработке автором ключевой категории исследования, вынесенной в его заглавие – категории ноополитики. После прочтения диссертации и, что самое важно, положений, выносимых на защиту, создается впечатление, что автор сам не может окончательно остановиться на однозначной и строгой дефиниции ноополитики. В разных местах работы мы можем обнаружить разные определения этого термина, что само по себе сильно снижает методологическую значимость полученных результатов. В одном месте диссертации ноополитика – это *концепт информационной стратегии государства*, в другом – *сама информационная стратегия*, в третьем – *форма политического руководства*, в четвертом – *сетевые механизмы гражданского общества*, в пятом – *социализированное отношение к информации*, наконец, в шестом – *это троянский конь, введённый на территорию*” реальной политики. Представляется, что автор сам не до конца

разобрался с онтологией своей базовой категории. Обратимся к той дефиниции, которая открывает положения, выносимые на защиту, и которая в силу этого может рассматриваться как базовая. Автор пишет: «Ноополитика – концепт информационной стратегии по манипулированию международными процессами посредством формирования у общественности через средства массовой информации положительного или отрицательного отношения к внешней и внутренней политике государства или блока государств с целью создания положительного/отрицательного имиджа идей и пропагандируемых моральных ценностей.» (с. 24). Рецензенту эта дефиниция представляется крайне сомнительной, если не сказать неоперациональной. Прежде всего обратимся к базовому использованному номену – «концепт». Концепт – это термин, широко используемый в философии, семиотике и лингвистике. Термин «концепт» введен в философию Абеляром в связи с анализом проблемы универсалий потребовавшим расщепления языка и речи. Школа академика Д.С.Лихачева трактует концепт как некое мыслительное образование, выполняющее заместительную функцию. В современных словарях по семиотике и энциклопедических словарях концепт определяется как смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объект которого есть предмет (денотат) этого имени. То определение концепта, на которое опирается автор, таким образом, не попадает ни в философское, ни в филологическое, ни в психологическое его понимание и может быть оценено как маргинальное. Возвращаясь к онтологии ноополитики, нельзя не задать автору вопрос, какова сущностная онтология этого феномена? То, что ноополитика не концепт, это понятно. Но тогда что она такое? Сформулируем простой вопрос, ноополитика – это политика? Или не политика? Как следует из грамматической конструкции этого термина – это политика с особым предметным и субъектным наполнением. Но, если ноополитика - это политика, тогда это не концепт. Это деятельность. По реализации отношений власти. С субъектами, инструментами, идеологиями и т.п. Соответственно, предметом любой политики являются отношения по поводу власти. Видимо,

и предметом ноополитики также. Представляется, что на методологическом мета-уровне при определении ноополитики автор диссертации потерял нить связи между политическими практиками, политическим идеологиями и политическими технологиями. Автор не определил онтологического уровня ноополитики - в соотношении с идеологией и технологией. Отсюда и проблемы. Поэтому, сформулируем еще один вопрос, каковы могут быть ее онтологические форматы ноополитики? Еще одна проблема - это фокусирование на международной повестке. Все авторские определения ноополитики привязаны к сфере международных отношений. Это тоже вызывает вопросы. Исходя из авторских определений получается, что ноополитика во внутренней сфере не может быть реализована? А почему, собственно, не может? С нашей точки зрения, вполне может.

Второе серьезное замечание связано с методологическими основаниями диссертационной работы. Во введении, автор указывает, что он пользовался такими методами эмпирического анализа текстов, как статистический анализ, контент-анализ, дискурсивный анализ, семиотический анализ. Все эти методы хорошо разработаны в современной теории коммуникации, лингвистике, теории журналистики. Они предполагают соответствующий, в ряде случаев достаточно сложный методический аппарат, который требует специального обоснования и разработки инструментария. И культура диссертационных текстов требует, чтобы автор, применяющий соответствующие методы эмпирического исследования, эксплицитно представил обоснование выбора методик, привел сами методики и их оценку валидности их применения, и лишь затем переходил к изложению результатов. Однако анализ представленного текста показывает, что эти требования не выполнены. Нет обоснования выбора методик, нет ссылок на соответствующих авторов, более того, методические работы не представлены в достаточном объеме в списке литературы. Не приведены и сами методики. Это существенно снижает эмпирическую обоснованность полученных результатов. Такая ситуация вынуждает нас задать ряд методических вопросов.

Какой статистический анализ применялся? Что составило базовые массивы для статистического анализа? Какие статистические инструменты и формулы математической статистики применялись? Как оценивались статистические погрешности?

Следующая группа вопросов касается методов контент-анализа. Какой тип контент-анализа применялся? Какие были принципы отбора корпуса текстов? Что было выбрано в качестве единиц счета и единиц анализа?

Далее идут вопросы по дискурс-анализу и семиотическому анализу. Какую методику дискурс-анализа применял автор? Как был выстроен сам анализ? Какие измеримые факторы и характеристики выделялись в ходе работы с эмпирическим материалом? Отдельный вопрос касается семиотического анализа. В современной семиотике существует широкий спектр методов семиотического анализа и таким образом отсутствует единый так называемый «метод». В этой связи хотелось бы понять, что автор вкладывает в словосочетание «метод семиотического анализа, в чем он, этот метод состоит? Что анализировалось, на основании работ каких авторов, как была устроена сама методика?

В-третьих, представляется, что автор не до конца разобрался с онтологией вводимой в диссертации в целом интересной и перспективной категории политической диффамации. Сначала, он обоснованно определяет диффамацию как деятельность «по распространению достоверных фактов с целью причинить кому-либо имиджевый ущерб» (с. 45), а затем неожиданно пишет: «В отличие от дезинформации как формы намеренного обмана политическая диффамация – это достоверная информация, хотя её и можно преподнести как ложную.» Или еще, на с. 79 «Ноополитика ... предполагает поиск способов доставки информации или политической диффамации до реципиента». В результате возникает очевидное противоречие, когда один и тот же термин обозначает разные сущности, в первом случае деятельность, в другом – информацию. отождествлять их неправильно. То, что диффамация

есть деятельность по распространению информации, то есть информационная деятельность, не делает ее эквивалентной самой информации.

Добавим к этому, что мы не разделяем оптимизма автора в том, что введение в терминологический оборот таких понятий, как «политическая диффамация, позволяет оценивать, прогнозировать и формировать политические события на мировой арене» (с. 47). По нашему мнению, здесь возможности каких-то введенных научных терминов формировать события на международной арене явно переоценены.

В-четвертых, вызывает серьезные вопросы характер использования автором термина «новые медиа». Прежде всего отметим, что этот термин постепенно уходит из лексикона медиаисследователей как устаревший и утрачивающий свое смысловое наполнение по мере перехода классических медиа в сеть. На сегодня 100% классических медиа, включая наиболее авторитетные, представлены своими онлайн-версиями, страницами в социальных сетях, в мессенджерах, на видеохостингах и т.п. И это автоматически снимает с повестки для актуальность противопоставления новых и т.н. классических медиа, которая еще присутствовала в научном дискурсе 5-7 лет тому назад. Неслучайно в главе, посвященном обсуждению феномену цифровых медиа подавляющее большинство ссылок на относительно устаревшие источники – 2005-2015 гг. Отдельного вопроса, если не сказать, сомнения, заслуживает тот факт, что автор отождествляет термины «новые медиа», «сетевые СМИ» и «интернет-СМИ». Этот постулат сильно оспаривается в современной теории журналистики, здесь идет серьезнейшая дискуссия, которую автор игнорирует. Такое отождествление понятий требует теоретического обоснования, но оно отсутствует в работе. Это делает данный раздел диссертации методологически уязвимым и поэтому хотелось бы услышать теоретическую аргументацию.

В-пятых, вызывает вопросы характер формирования выборки СМИ для эмпирического описания специфики тех медиасубъектов, которые автор называет «новые медиа» (с. 100 – 101). Автор в данном разделе заявляет о том,

что он создает выборку исследования, направленного на выявление основных элементов интернет-СМИ, с помощью которых передаётся политическая информация. При этом в выборку он пишет: «Среди российских интернет-СМИ мы проанализировали интернет-версии: ТАСС, РИА «Новости», «Интерфакс», «Известия», РБК, «Ведомости» (с. 100). Обоснованность отнесения данных медиа к интернет-СМИ вызывает сильные сомнения. Это серьезный методологический вопрос, не нашедший своего обоснования диссертации. Все названные медиа — это конвергентные редакции, которые никогда не позиционируют себя как интернет-СМИ, и, тем более, как "новые медиа". Ни ТАСС, ни «Известия», ни РБК, ни «Ведомости». Наоборот это все "старые медиа" просто в новой упаковке. Со старыми собственниками, принципами, традициями, аудиториями и т.п. Поэтому методологическая обоснованность выборки в контексте объединения автором понятий и отождествления интернет-СМИ и новых медиа выглядит крайне сомнительной.

В-шестых, в контексте анализа отдельных компонентов традиционных идеологий ряд положений автора представляется неточным, если не ошибочным. Например, на с. 53 он пишет «Марксистский подход к формированию мироустройства заключается в том, что человеческий разум участвует в преобразовании мира». Представляется, что такая интерпретация не отвечает базовым характеристикам марксистской философии и не детерминирует ее качественной определенности. Ставка на разум точно также характерна для позитивизма, символического интеракционизма, в существенной части для структурного функционализма. Да и религиозная философия не отрицает значимости свободы воли и разумности поведения человеческих существ. Также вызывает вопросы авторская трактовка современных версий неомарксизма.

В-седьмых, в работе присутствуют обязывающие авторские заявления политически амбивалентного или прямо обвиняющего характера, которые ничем не подтверждены. Приведем примеры. На странице 38 он пишет: «Это

позволило представителям «американской пропагандистской машины» перекупить многие российские СМИ, поставив в руководстве своих людей, и с их помощью внушать россиянам, что образ жизни в США – это образец, к которому необходимо стремиться.» Никаких ссылок, исследований или аргументов к этому публицистическому заявлению в тексте не приводится. Еще один пример, даже более сомнительный. На с. 82 читаем: «Видимый разрыв политической дружбы между Владимиром Путиным и канцлером Германии Ангелой Меркель в период украинского кризиса 2014-2015 гг. мог произойти из-за «шантажа» со стороны американского президента Барака Обамы, связанного с разглашением разговоров Меркель с любым политическим деятелем, информацию о котором канцлер не хотела бы афишировать. Но это только предположение.» С нашей точки зрения, такие предположения не должны присутствовать в научном тексте. Мы видим фамилии политических лидеров – Путин, Меркель, Обама. Мы видим обвинения одного из них в шантаже другого. Эти обвинения ничем не подтверждены. Если пользоваться лексикой самого автора диссертации, то мы здесь имеем дело с попыткой политической диффамации одного из глобальных лидеров. С нашей точки зрения, жанр диссертационного текста прямо диктует необходимость освобождения от пассажей подобного рода.

В работе присутствуют также технические погрешности, в ряде мест отсутствуют значимые ссылки, в некоторых параграфах неоправданно много места уделено вопросам, не относящимся к предмету диссертации. Упомянем здесь пространные рассуждения об иранской и китайской специфике.

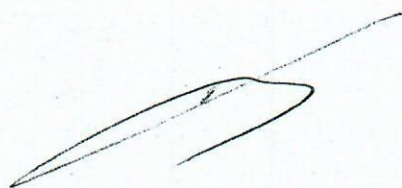
Перечисленные замечания к содержанию и характеру изложения результатов исследования тем не менее, не снижают научной ценности полученных результатов.

Общий вывод.

Диссертация Никонова Сергея Борисовича на тему: ««Ноополитика в коммуникационном процессе внешнеполитической деятельности государств», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016

года № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете». Соискатель Никонов Сергей Борисович заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 10.01.10 – журналистика.

Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Председатель диссертационного совета
доктор социологических наук, профессор
зав. кафедрой связей с общественностью
в бизнесе ФБГОУ ВПО
«Санкт-Петербургский государственный
университет»

Д. П. Гавра

30.01.2021